

ДЬЯВОЛЬСКИЙ АКР

Столица холеры, рассадник преступности

*Премия «Пять наривов» от журнала
«Восторженные трубы»*

- 1886 -

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: 7206
ОФИЦИАЛЬНО ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ: 0

Тифозная канава

Плюсневый холм

Зарпная площадь

Порочный переулок

Район,
не нанесенный
на карты

Долгое время нет ничего. Только темнота, рокот дальнего грома и неясное чувство, что я куда-то падаю. И больше ничего — ни личности, ни имени. Памяти тоже нет. Смутно понимаю, что прежде все это было, но потом исчезло, и теперь я — почти ничто. Одинокий фотон угасающего света, кружащий в голодной пустоте.

И это тоже скоро кончится.

Боюсь, я потерял душу, но не могу вспомнить как. Все, что я помню, — это раскаты медленно ворочающегося грома, а в них, растянутые до неузнаваемости, слоги моего бывшего имени, которого я больше не знаю. Только они и темнота, вот и все. Вечность спустя к грому добавляется еще один звук: это ветер. А затем и дождь. Теперь у меня есть ветер, гром и дождь, и я по-прежнему падаю.

Постепенно кое-что возникает — по чуть-чуть, по одному ощущению за раз. Я выбираюсь из ямы, ускользаю от пустоты. Мой одинокий фотон обрастает другими светящимися точками.

Я чувствую щекой что-то шершавое. Слышу скрип веревок. Что-то хлопает на ветру. Наверное, я на корабле. В темном, запертом наглухо трюме какого-то судна, угловатого в бурю.

Глаз приоткрывается на миг. Надо мной качаются смутные силуэты. Маятники, вывешенные в ряд. Кто-то перетянул пружину, и часы взбесились. Скрежещут шестерни, еще немного — и все пойдет вразнос.

Я моргаю, и маятники превращаются в тела, висящие в петлях. Висельники корчатся, сучат ногами.

Я понимаю, что могу повернуть голову. Размытые образы потихоньку становятся четче.

Под щекой — что-то жесткое и зеленое. Маятники-тела преобразились снова: теперь это ряд растений в скрипучих плетеных кадках, подвешенных на балке, ходят ходунком на ветру. За ними — сетка от комаров, хлопающая откидным клапаном.

Я лежу на веранде. Точнее, на зеленой синтетической траве, которой она покрыта.

Эту веранду я знаю.

Я знаю эту фальшивую траву.

Я перевожу взгляд. Газон, истязаемый ливнем, упирается в темную стену пальм, склонившихся чуть ли не до земли под напором ветра.

Я знаю этот газон.

Знаю эти пальмы.

Сколько я уже здесь лежу? Сколько лет?

...время опять сходит с ума.

Я пытаюсь пошевелиться, но пока удается только повернуть голову. Я замечаю карточный стол и пару складных стульев. Внезапно ловлю себя на мысли: если я сейчас уговорю себя подняться, то обнаружу на столе пару очков для чтения. Неоконченную партию в «Монополию». Кружку с дымящимся, еще горячим кофе.

Только что здесь был кто-то еще. И он что-то сказал — слова еще не отзвучали. Висят в воздухе, возвращаются ко мне отголосками.

— А какая птица их охраняла?

Голос мальчика. Мой собственный голос.

— Большая хищная птица, которая курила трубку.

А этот — скрипучий, с акцентом.

Голос старика.

— Ты, наверное, думаешь, что я совсем глупый, — произносит мальчик.

— Я просто не могу так о тебе думать.

И снова мальчик:

— Но почему чудовища на вас охотились?

Я слышу скрежет — старик отодвигает стул и встает. Сейчас он пойдет, чтобы принести кое-что и показать мне. Так он говорит. Какие-то фотографии.

...когда же это было

...минуту назад

...час

Надо вставать, а то он забеспокоится. Решит, что я его разыгрываю, а он такого не любит. Однажды я шутки ради спрятался от него в лесу, и он до того разошелся, что покраснел как помидор и орал на меня нехорошими словами. Правда, потом он объяснил, что просто испугался за меня, но что его так напугало, не сказал.

Дождь так и хлещет. Эта буря — как зверь, живой и свирепый, он уже разодрал сетку на веранде. Сетка пощелкает и хлопает на ветру, точно флаг.

...со мной что-то не так

Приподнимаюсь на локте, но это все, на что меня хватает. Замечаю на полу какую-то странную черную отметину. Выжженная черта — и она тянется вокруг меня, замыкается в контур вокруг моего тела.

Я снова совершаю над собой усилие — пытаюсь сесть. Перед глазами плывут черные пятна.

И вдруг — оглушительный грохот. Все становится белым, и я на мгновение слепну.

...так ярко, так близко, так громко...

Похоже на взрыв, но это не взрыв — это молния. Бьет совсем рядом, так близко, что между вспышкой и раскатом грома не проходит и секунды.

И вот я уже сижу, а сердце в груди колотится, как сумасшедшее. Я подношу дрожащую руку к глазам.

Какая-то она странная, эта рука. Слишком большая. Пальцы чересчур длинные. И между костяшек растут черные волоски.

...где этот мальчик? ведь он — это я? или нет? Не люблю, когда меня разыгрывают...

Кожа вокруг запястья — красная, как будто натертая...
...наручники, пристегнутые к перилам крыльца, а вокруг бушует буря...

Теперь, когда я смог сесть, стало видно крышку стола. И на столе ничего нет.

Ни чашки с кофе, ни очков.

...он не вернется.

Но все-таки он возвращается, хоть это и невозможно. Вон он, на опушке леса. Мой дед. Шагает в высокой траве, сражаясь с ветром, бьющим прямо в лицо. Его желтый дождевик мелькает ярким пятном на фоне пальм. Капюшон натянут чуть не до самого носа — защищает глаза от жалящих струй дождя.

...что он там делает? почему не вернется в дом?..

Он останавливается. Смотрит под ноги. Разглядывает что-то, чего я не вижу: трава слишком высокая.

Я поднимаю руку. Окликаю его по имени.

Он выпрямляется, и только теперь я понимаю: с ним что-то не так. Он слишком худой. И походка слишком ровная для старика, страдающего артритом.

...потому что это не он.

Он бежит — ко мне, в сторону дома. К входу на веранду, где рваная сетка полощется и хлопает ветру.

...нет, не ветер ее порвал.

...какое же чудовище это сделало?

...жуткое, сгорбленное... гниющая кожа, черные глаза, извивающиеся языки...

Он открывает раздвижные двери и встает на пороге. И я понимаю, что успел вскочить на ноги, сам того не заметив.

— Ты кто такой? — спрашивает он негромко, но с напряжением в голосе.

И откидывает капюшон.

Передо мной мужчина средних лет. Подбородок острый — и особенно бросается в глаза из-за рыжей, аккуратно подстриженной бороды. Глаза не разглядеть за темными очками.

Стоять на ногах и видеть перед собой другого человека — это так странно, что я лишь краем сознания отмечаю другую странность: зачем ему солнечные очки в такую грозу?

Но я уже отвечаю ему, машинально:

— Якоб.

И только услышав себя, осознаю, что имя прозвучало неправильно.

— Я риелтор, — произносит он, и я сразу понимаю: врет. — Пришел закрыть окна от бури.

— Поздновато, — замечаю я.

Он переступает порог — медленно, словно пытаюсь не вспугнуть настороженного зверька. Створки раздвижных дверей с шипением сходятся у него за спиной. Он окидывает взглядом контур, выжженный на полу, и снова переводит на меня глаза, скрытые за очками.

— Значит, это ты, — говорит он, и я невольно цепляюсь за край карточного стола, а человек подходит все ближе, стуча тяжелыми черными ботинками. — Джейкоб Портман.

Мое имя. Правильное, настоящее имя. Что-то выныривает с бульканьем из канавы, из темноты...

...жуткая пасть, раскрывшаяся среди клубящихся туч, громовым голосом произносит мое имя...

...девушка с черными как смоль волосами... такая красивая... рядом со мной, и я слышу ее крик...

— Думаю, ты знал одного моего приятеля, — говорит человек в темных очках. Улыбка его сочится ядом. — Он часто менял имена, но ты его знал как доктора Голана.

...жуткая пасть в облаках...

...женщина, корчащаяся в траве...

Образы врываются в мой разум — резко, без предупреждения. С трудом волооча ноги, отступаю, пока не чувствую, что уперся лопатками в стеклянную дверь. Человек в темных очках продолжает надвигаться и что-то достает из кармана. Какую-то черную коробочку с металлическими зубцами.

— Повернись спиной, — приказывает он.

Внезапно я понимаю, что все очень серьезно и надо защищаться. Я притворяюсь послушным и поднимаю руки, как будто показывая, что сдаюсь. Но как только он подходит достаточно близко, я с силой обрушиваю кулаки на его лицо.

Человек кричит. Темные очки отлетают в сторону, и я вижу его глаза — совершенно белые, как пара сваренных вкрутую яиц. Глаза убийцы. Я слышу громкий треск, и между зубцами черной коробочки, которую он держит в руке, проскакивает голубая искра.

Он бросается на меня.

Разряд тазера жалит меня сквозь рубашку и отбрасывает назад. Я влетаю спиной в стеклянную дверь. Почему-то она не разбивается.

Белоглазый уже сидит на мне верхом. Тазер посвистывает, перезаряжаясь для нового удара. Я пытаюсь сбросить с себя этого ужасного человека, но я сам еще не перезарядился до конца. Я все еще слишком слаб. Плечо и голова разрываются от боли.

Внезапно он дергается всем телом, испускает вопль и обмякает, а я чувствую, как по моей шее течет что-то теплое.

Это кровь. (Что, моя?)

Белоглазый хватается за что-то и начинает заваливаться набок. У этой штуки бронзовая рукоять, и она сантиметров на пятнадцать торчит из его шеи.

Позади него возникает странное темное пятно, живая тень. Она выбрасывает руку, хватая тяжелую дедушкину пепельницу и бьет белоглазого по голове. Тот испускает стон и падает. Из тени выступает девушка.

У девушки (я знал ее в Прошлом!) длинные черные волосы, спутанные и мокрые от дождя. Длинный черный плащ, весь в грязи. И бездонные черные глаза, расширенные от ужаса. Она всматривается мне в лицо, и в ее глазах вспыхивает узнавание.

Еще не все фрагменты мозаики встали на место, мысли по-прежнему мечутся между явью и бредом, но я понимаю, что происходит чудо. Чудо, что мы живы. Чудо, что мы здесь, а не в том, другом месте.

Боже мой.

Там было так ужасно, что у меня нет слов.

Девушка совсем рядом. Она стоит рядом со мной на коленях. Наклоняется, обнимает. Я хватаюсь за нее как за спасательный круг. Какая она холодная! Чувствую, как она дрожит. Мы цепляемся друг за дружку, а она все твердит мое имя. Снова и снова. И каждый раз, как она повторяет: «Джейкоб!» — я чувствую, что Настоящее становится еще немного плотнее, еще чуточку реальнее.

— Джейкоб, Джейкоб! Ты меня помнишь?

Человек на полу снова стонет. Ему вторит алюминиевый каркас веранды. И свирепый ветер, который мы как будто принесли с собой из того, другого места, тоже стонет, как раненый зверь.

И я начинаю вспоминать.

— Нур, — говорю я. — Нур. Ты — Нур.

В тот же миг я вспоминаю все. Мы выжили. Выбрались из петли Ви, прежде чем та успела схлопнуться. И теперь

мы во Флориде, на дедушкиной веранде, на старой синтетической траве, которую я помню с детства. В настоящем.

По-моему, я все еще в шоке.

Мы сидели на полу, крепко обнявшись, пока бившая нас обоих дрожь не начала стихать. Буря все так же ярилась. Человек в желтом дождевике лежал неподвижно — только его грудь вздымалась и опадала, но как будто все реже. Синтетическая трава под его головой промокла и потемнела от крови. Из шеи по-прежнему торчала бронзовая рукоять ножа, которым ударила его Нур.

— Это дедушкин нож для писем, — сказал я. — И вообще, это его дом. Он тут жил.

— Твой дедушка? — Она отодвинулась, но совсем чуть-чуть, только чтобы взглянуть мне в лицо. — Тот, что жил во Флориде?

Я кивнул. Стены задрожали от очередного раската грома. Нур оглядывалась вокруг, качая головой и не веря собственным глазам. «Не может быть», — читалось в ее лице. И я прекрасно понимал, что она сейчас чувствует.

— Но как?.. — пробормотала она.

Я ткнул пальцем в силуэт, выжженный на полу.

— Вот тут я очнулся. Понятия не имею, сколько был в отключке. И какой сейчас день.

Нур потерла глаза.

— У меня тоже в голове все путается.

— А что последнее ты помнишь?

Нур нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями.

— Мы пришли в мою старую квартиру. Потом мы куда-то ехали... — Она говорила медленно, будто пыталась сложить картину из обрывков ускользающего сна. — Потом мы оказались в петле... да, мы же нашли петлю Ви! А потом бежали от бури... нет, от торнадо...

— От двух торнадо, если я ничего не путаю.

— А потом мы нашли ее саму! Правда ведь? Мы ее нашли! — Она схватила меня за руки и крепко сжала. — А потом...

Ее руки разжались, лицо застыло. Губы приоткрылись, но с них не слетело больше ни слова. Пережитые ужасы возвращались, обрушиваясь на нее страшным грузом. И на меня.

Мурнау с ножом в руке склоняется над телом Ви, распростертым на траве. Торжествующе вскидывает руку и бежит навстречу бушующему вихрю.

В груди стало жарко и тесно. Нур уткнулась лицом в колени и начала раскачиваться.

— О боже, — стонала она. — О боже, боже, боже!

Казалось, сейчас она растворится в воздухе, или вспыхнет огнем, или вберет в себя весь свет, до какого дотянется. Но она лишь резко подняла голову и посмотрела на меня:

— Почему мы все еще живы?

Я непроизвольно вздрогнул всем телом.

А кто сказал, что мы живы? Может, мы уже мертвы.

Вообще-то мы должны были погибнуть в схлопывающейся петле, как и рассчитывал Каул. Сама Нур была единственным осязаемым свидетельством того, что я все еще жив, а не падаю в туннель околосмертных воспоминаний, не наблюдаю последние, прощальные вспышки умирающего мозга.

Но нет! Я отогнал эту мысль. Нет. Мы здесь, и мы живы.

— Это Ви. Она успела каким-то образом нас вытащить, — предположил я. — И перебросить сюда.

— Должно быть, у нее в петле был аварийный выход, — кивнула Нур, сжимая и разжимая кулаки. — Что-то вроде катапульты. Это единственное объяснение.